

УДК 324

ЭЛЕКТОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ В ПЕРИОД 2013–2017 ГОДОВ: СТАБИЛЬНОСТЬ И/ИЛИ ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ*

Шатилов Александр Борисович,

канд. полит. наук, профессор, декан факультета
социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
ashatilov@fa.ru

Аннотация. В статье анализируются электоральные тренды последних пяти лет в российской региональной политике. Автор особо останавливается на проблеме снижения избирательной активности граждан, выделяя объективные и субъективные факторы, влияющие на политический абсентеизм. Одновременно поднимается вопрос о взаимосвязи политической ситуации в субъектах Российской Федерации с их инновационным экономическим развитием. При этом далеко не всегда низкая явка избирателей является негативным показателем для региона. В целом ряде случаев «сбалансированное» и ответственное голосование граждан помогает региональной власти поддерживать стабильность и обеспечивать динамичное развитие подведомственной территории. В свою очередь, форсирование явки зачастую влечет за собой серьезные политические и экономические издержки, а также падение легитимности руководства субъекта РФ.

Ключевые слова: политическое участие; выборы; регионы; субъекты Российской Федерации; губернаторы; абсентеизм; явка избирателей; инновационное развитие.

ELECTORAL POLITICAL ACTIVITY IN THE RUSSIAN REGIONS IN THE PERIOD 2013–2017: STABILITY AND / OR INNOVATIVE DEVELOPMENT

Shatilov A.V.,

PhD in Political Science, Professor, Dean of the "Sociology and Political Science"
Faculty, Financial University, Moscow, Russia
ashatilov@fa.ru

Abstract. The article is devoted to the electoral trends of the last five years in Russian regional policy. The author dwells on the problem of reducing the electoral activity of citizens, highlighting the objective and subjective factors affecting political absenteeism. At the same time, the question of the interconnection of the political situation in the subjects of the Russian Federation with their innovative economic development is raised. Moreover, not always a low voter turnout is a negative indicator for the region. In a number of cases, a «balanced» and responsible voting of citizens helps the regional authorities maintain stability and ensure the dynamic development of the territory under their jurisdiction. In turn, forcing voter turnout often entails serious political and economic costs, as well as a drop in the legitimacy of the leadership of the federal subjects.

Keywords: Political participation; Elections; Regions; Federal Subjects of the Russian Federation; Governors; Absenteeism; Voter turnout; Innovative development.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-02-00080а — «Модель регионального инновационного кластера в условиях неопределенности рынка, особенностей экономической и социальной политики государства», а также по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета 2017 года.

Уже к середине 2000-х гг. «большая политика» России практически полностью сконцентрировалась в рамках федерального Центра, региональные политические процессы отошли на второй план внутренней политики, став фоновыми по отношению к столичным [1]. Этому способствовал целый ряд факторов.

Во-первых, с приходом к власти В. В. Путина и его команды проводилась активная и последовательная политика, нацеленная на преодоление этнического и регионального сепаратизма, унификацию федерального и регионального законодательства, борьбу с культом личности губернаторов, который возник в период региональной «вольницы» 1990-х гг. При этом практически все инициативы данной направленности оказались реализованы. Так, главы регионов лишились места в Совете Федерации, существенно утратив в аппаратном статусе, полпреды Президента РФ навели порядок на местах, привели законодательство регионов в соответствие с федеральными нормами, сепаратизм был жестко подавлен даже в традиционно свободолюбивой Чечне, не говоря уже о других субъектах Российской Федерации. То есть уже с середины нулевых региональная повестка перестает давать значимые информационные поводы и становится периферийной по отношению к гораздо более острым и ярким федеральным событиям.

Во-вторых, после фактической отмены прямых выборов губернаторов в 2004 г. главы регионов попали практически в полную зависимость от Президента России и его администрации, поскольку именно там решались кадровые вопросы, связанные с управлением в субъектах РФ. И хотя позже, в 2012 г., прямые выборы были возвращены по инициативе Д. А. Медведева, тем не менее в промежуточный период федеральный Центр провел активную кадровую «чистку», одновременно продемонстрировав силу строптивым региональным элитам.

В-третьих, оптимизация социально-экономической ситуации, увеличение доходов граждан и наведение порядка в стране способствовали росту доверия населения регионов к федеральной власти, что приводило (особенно в период 2004–2008 гг.) к полному одобрению практически любой инициативы, исходящей от В. В. Путина. Соответственно, по сравнению с 1990-ми гг., когда протестные настроения способствовали мобилизации населения вокруг регионально-го истеблишмента, в 2000-е гг. местные элиты

утратили способность консолидировать массы под своим руководством.

В-четвертых, в «лихие девяностые» политическая активность на местах во многом подпитывалась местной организованной преступностью. Например, в Свердловской области тогдашний губернатор Э. Россель тесно взаимодействовал с так называемым уралмашевским ОПС, при этом параллельно продвигая сепаратистский проект создания Уральской республики. Однако уже в 2000–2004 гг. региональная организованная преступность была практически полностью разгромлена. По крайней мере, это касается крупных городов и стратегических территорий (на районном уровне отдельные очаги криминалитета остались до сих пор). Так, были разгромлены ОПС «Уралмаш» в Свердловской области, ОПС «Обшак» на Дальнем Востоке, ОПГ «Слоны» в Рязани, измайловско-гольяновская и ореховская ОПГ в Москве, тамбовская ОПГ в Санкт-Петербурге и др.

В-пятых, как и на федеральном уровне, в регионах укрепляются системные политические партии, которые, с одной стороны, отказываются от бескомпромиссной борьбы друг с другом, а с другой — в целом вытесняют малые, непарламентские партии из общественно-политической жизни регионов. Так, в 2004–2017 гг. в субъектах РФ практически не ощущается деятельность традиционных либеральных партий («Яблоко», СПС, «Правое дело» и т. п.), а также националистов и радикальных коммунистов.

Несмотря на то что с 2008 г. Российская Федерация вступила в кризисный этап своего развития, который в силу объективных и субъективных причин фактически продолжается до сих пор, указанные выше «расклады» сохраняются, — настолько существенная работа по стабилизации ситуации в регионах была проведена в самом начале президентства В. В. Путина.

В рассматриваемый период 2013–2017 гг. в России состоялась одна масштабная федеральная избирательная кампания — выборы депутатов Государственной Думы Российской Федерации седьмого созыва, которые после определенного промежутка времени вновь проходили по смешанной пропорционально-мажоритарной системе. Также в анализируемых субъектах РФ прошел целый ряд местных выборов разного уровня (выборы глав регионов, депутатов региональных законодательных собраний, законодательных собраний региональных столиц, мэров крупных

городов и т.д.). Интенсивность голосования населения отличалась существенным разнообразием.

1. Выборы депутатов Государственной Думы Российской Федерации седьмого созыва.

Средняя явка по стране на этих выборах составила 47,88%. Несмотря на жесткую критику таких показателей со стороны непримиримой оппозиции (звучали обвинения, что избиратели голосуют против власти «ногами»), они являются вполне нормальными и общеевропейскими. Так, например, в выборах депутатов в Португалии в 2011 г. приняло участие около 42% избирателей, в 2015 г. на аналогичных выборах в Швейцарии народное волеизъявление собрало 48,5% граждан, имевших право голоса, во Франции в 2012 г. в первом туре парламентских выборов проголосовали 48,31% (<http://www.politonline.ru/interview/22887682.html>).

Тем не менее в анализируемых субъектах Российской Федерации явка на выборы депутатов Госдумы седьмого созыва отличалась зачастую весьма сильно.

В частности, обозначились **регионы с высокой электоральной активностью — явка от 49 до 89%**. К ним относятся: Республика Крым, Краснодарский край, Республика Дагестан, Саратовская область, Самарская область.

Причины в каждом случае были разные, но с учетом высоких результатов партии власти по данным субъектам РФ, нельзя говорить о том, что высокая явка была обусловлена какими-либо протестными причинами. При этом электоральная мотивация у избирателей была различной. Так, для жителей Крыма это было первое федеральное голосование в составе Российской Федерации, что, как и все новое, вызвало у них искренний интерес. В дальнейшем можно прогнозировать, что явка на выборы депутатов Госдумы здесь несколько упадет, но все равно Крым останется политически активным субъектом РФ, с одной стороны, в силу актуальности конфликта по поводу его принадлежности, с другой — в силу непреодолимости советской традиции восприятия выборов как некоего политического праздника.

В Саратовской области высокая явка во многом была обусловлена активной работой с родным регионом первого замглавы Администрации Президента РФ В.В. Володина, особенно с учетом того, что в случае успеха ему был обещан пост председателя Государственной Думы РФ (этот пост он занял 5 октября 2016 г.). Нужно отметить, что для Саратовской области «фактор Володина»

играет существенную политическую роль с начала 2000-х гг.

Краснодарский край с его казачьими традициями местного самоуправления и демонстративной лояльностью Верховному Главнокомандующему также оказался в числе лидеров голосования. Ну и, конечно, на активность местного населения значительное влияние оказало проведение в Сочи зимних Олимпийских игр 2014 г. В итоге, помимо спортивных и имиджевых эффектов для страны на международной арене, российская власть получила также дополнительный бонус в плане лояльной явки.

В Самарской области сказался другой «персональный фактор» — губернатора региона Николая Меркушкина. Ранее, в 2012 г., он был избран губернатором с рекордным результатом 91,35% голосов, что свидетельствовало о высоком уровне доверия ему со стороны населения. Кроме того, он известен как жесткий и эффективный руководитель, умеющий обеспечить необходимую явку и результат.

Особняком в этом списке стоит Дагестан, где электоральные показатели традиционно находятся в прямой зависимости от расклада сил в местной мультинациональной элите.

Регионы со средней электоральной активностью — явка от 40 до 45%. Это Ставропольский край, Челябинская область, Свердловская область. Здесь, опять же, не существует особых причин для политического недовольства, тем не менее нет оснований и для политического энтузиазма. Так, Ставропольский край, являющийся столицей Северо-Кавказского федерального округа, испытывает существенное миграционное давление со стороны соседей, в Челябинской области в ходе «войны санкций» возникли серьезные проблемы у промышленных предприятий, в Свердловской области существует серьезное противоборство между элитами Екатеринбурга и остальной области.

Регионы с низкой электоральной активностью — от 35 до 40%: Новгородская область, Омская область, Красноярский край, Приморский край, Сахалинская область, Владимирская область.

Во многих этих регионах имеются застарелые проблемы социально-экономического развития, на которые накладываются внутриэлитные конфликты. Прежде всего, это касается Новгородской и Владимирской областей, где властям не удалось решить такие проблемы, как ЖКХ, развитие промышленности, социальное обеспечение граждан

и пр. А для Сахалинской области и Приморского края характерен также высокий уровень безработицы — 6,7 и 5,0% соответственно. Положение усугубляется тем, что население двух последних субъектов РФ дополнительно ощущает также оторванность от «большой земли», что стимулирует отток населения в европейскую часть России.

Регионы с исключительно низкой электоральной активностью, явка от 32 до 35% — Москва и Санкт-Петербург. Здесь низкая явка обусловлена целым рядом субъективных факторов, поскольку объективных причин для электоральной пассивности граждан не существует. По сравнению с большинством других субъектов Российской Федерации, обе столицы — и официальная, и «культурная» — выглядят весьма привлекательно. Здесь меньше всего процент безработицы — в Москве 0,1, в Санкт-Петербурге — 0,8, невысокая демографическая нагрузка на население трудоспособного возраста, одни из самых высоких среднедушевых доходов населения (59 тыс. руб. в месяц в Москве и 41,5 тыс. в месяц в Санкт-Петербурге). Не говоря уже о том, что в мегаполисах гораздо проще найти еще и дополнительный заработок, не связанный с основным местом работы.

Тем не менее есть целый ряд «субъективных» причин для электоральной пассивности в данных субъектах РФ.

Во-первых, это не слишком эффективные действия руководства мегаполисов в плане взаимодействия с гражданским обществом. В частности, если говорить о С. С. Собянине, то у него самым проблемным местом является разъяснительная работа среди москвичей [2]. В итоге многие позитивные инициативы столичного руководства (дорожное строительство, реновация, озеленение и пр.) не только не приносят ему политических дивидендов, но, более того, становятся темами для проведения протестных мероприятий и резкой критики со стороны москвичей, «накрученных» оппозицией. Что же касается руководства Санкт-Петербурга, то команда Г. С. Полтавченко также не отличается гибкостью во взаимодействии с горожанами, прежде всего с интеллигенцией, зачастую «переживая» ситуацию без лишней необходимости. Это, например, касается ситуации вокруг передачи Исаакиевского собора Русской Православной церкви [3]. Думается, что при правильной и эффективной PR-работе с населением и выстраивании диалога в рамках «треугольника»: РПЦ — городская власть — музей-

ные работники, проблему можно было бы решить с минимальными политическими издержками.

Во-вторых, население мегаполисов традиционно является по своим воззрениям более свободлюбивым и независимым, нежели провинция. Здесь выше процент «строптивых» социальных слоев (интеллигенция, бизнесмены, студенческая молодежь) и ниже процент более патерналистски и подданически настроенных «бюджетников». Все это предопределяет как более низкую явку по сравнению с большинством других регионов РФ, так и большее протестное голосование.

В-третьих, население мегаполисов является более требовательным по отношению к власти, как в политическом, так и социально-экономическом плане. Здесь зачастую наблюдаются серьезные противоречия в запросах. Так, с одной стороны, нередко столичные жители критикуют власть за коррупцию и неэффективность деятельности, с другой — попытки федерального и регионального руководства навести порядок встречают обвинения в авторитаризме и нарушении прав и свобод человека. То же касается и социально-экономической ситуации — большинство жителей мегаполисов воспринимают все «бонусы» со стороны власти (социальные выплаты, благоустройство, борьбу с безработицей) как нечто должное и не требующее даже минимальной общественной благодарности. Однако городские проблемы всегда рассматриваются максимально критично и с изрядной долей «фронды».

В-четвертых, в отличие от многих регионов российской глубинки, выборы в Москве и Санкт-Петербурге уже не воспринимаются жителями как значимое событие и даже как гражданский долг. С одной стороны, как уже говорилось выше, столичные жители всячески подчеркивают свою независимость от власти, следовательно, у них практически нет чувства гражданского долга в его советском понимании (разве что, у части людей пенсионного возраста), который предписывал избирателям демонстрировать максимальную явку. С другой стороны, начиная с 1989 г. основные события «большой политики» разворачивались именно в Москве и Петербурге, в итоге в последние годы наступило определенное политическое «пресыщение», которое также порождает электоральный абсентеизм.

Тем не менее пассивность москвичей и петербуржцев на выборах в Госдуму седьмого созыва (как и муниципальных 2017 г.) нельзя однозначно трактовать как недоверие к региональной

и федеральной власти (<https://www.rbc.ru/politics/11/09/2017/59b554ad9a7947cb12472d9e>). Как показывает практика, жители столиц в случае необходимости и остроты проблем способны к массовой мобилизации и могут обеспечивать даже сверхявку. Например, на первых президентских выборах в России 12 июня 1991 г. в Москве проголосовали (преимущественно за Б. Н. Ельцина) 66,5% избирателей, а в Санкт-Петербурге — 66,4% (опять же, с большим отрывом лидировал будущий президент РФ).

Поэтому низкая явка на выборах в Госдуму в сентябре 2016 г. была обусловлена, скорее, относительным благополучием жителей столичных центров, отсутствием у них мотивации к «протестному походу» к избирательным урнам. Также определенная часть московского и петербургского электората на эти выборы просто «взяла паузу», поскольку в условиях войны санкций и политической неопределенности курс российского руководства стал характеризоваться недостаточной последовательностью, латентностью и отсутствием четко сформулированной перспективы, что также дезориентировало «продвинутых» жителей мегаполисов.

2. Региональные избирательные кампании.

Что же касается региональных выборов, то здесь явка в большинстве регионов была еще ниже. Особенно это касается «депутатских» электоральных кампаний. Население России, как в мегаполисах, так и в провинции, давно уже смирилось с мыслью о вторичности и слабой эффективности представительных органов власти и поэтому очень неохотно посещает в этом случае избирательные участки. Поэтому иногда в регионах для обеспечения хотя бы минимально приличной явки совмещают выборы депутатов с выборами мэров городов. По такому пути пошли, например, в 2013 г. во Владимирской области, где удалось обеспечить пусть скромную, но допустимую явку в 28,5%, лишь совместив выборы депутатов Законодательного собрания региона с выборами губернатора. В то же время попытка провести отдельное голосование в Совет народных депутатов г. Владимира двумя годами позже привела к катастрофическому падению явки до 18,26%.

Аналогичная ситуация наблюдалась и на выборах в Мосгордуму 14 сентября 2014 г., на которые пришли лишь чуть более 21% избирателей, в то время как в сентябре 2013 г. на выборах мэра города явка составила 32%.

Относительно высокая явка на региональных «депутатских» выборах наблюдается лишь в тех субъектах РФ, где сильны внутриэлитные противоречия, и соперничающие «команды» предпринимают максимальные усилия для мобилизации «своих» избирателей. Это касается, например, Республики Дагестан, где чрезвычайно сильны клановые традиции голосования, а также элитно полицентричных регионов, таких как Краснодарский край, Республика Крым, Свердловская и Челябинская области.

Еще одним показателем политической активности и интенсивности региональной жизни является деятельность политических партий как институтов гражданского общества. И тут можно выделить два основных показателя: количество зарегистрированных политических партий и реальную активность партийных структур.

Можно констатировать, что в России как на федеральном, так и на региональном уровнях сложилась достаточно устойчивая партийная система. Это видно на примере анализируемых субъектов РФ. Региональные отделения думских политических партий имеются во всех регионах, хотя не везде они являются многочисленными и эффективно действующими (за исключением партии власти — Единой России, структуры которой повсеместно являются реальными и относительно продуктивными). Кроме них, на региональном уровне зарегистрированы в большинстве рассматриваемых регионов внепарламентские, но относительно раскрученные политические партии, многие из которых имеют политическую предысторию («Яблоко», ПАРНАС, ДПР, СДПР и пр.). Одновременно в регионах зарегистрировано значительное число новых, малоизвестных партий. Это либо партии, которые регистрируются (вместе с региональными отделениями) «под ключ», для продажи, либо партии-спойлеры (партии-дублеры), которые призваны «рассасывать» голоса политических противников в ходе электоральных кампаний (КПРФ — КПСС, Коммунистическая партия — Коммунисты России; Партия пенсионеров России — Российская партия пенсионеров за справедливость; Партия Родина — Родная партия и др.).

Что же касается политической активности регионов по критерию зарегистрированных партий, то здесь, конечно, на первых позициях столичные центры — Москва и Санкт-Петербург, имеющие отделения практически всех партий, даже самых экзотических (типа «Объединенной

партии людей ограниченной трудоспособности России» или «Партии поддержки»). В большинстве других исследуемых субъектов РФ также зарегистрированы региональные отделения практически всех политических партий страны. При этом имеются отдельные исключения. Например, целый ряд партий по политическим или иным соображениям отказался от создания своих ячеек в Крыму. Это касается даже относительно известных партийных проектов — «Яблоко», ПАРНАС, Народная партия России, ППР и др. Так, либерально ориентированные политические партии тем самым демонстрируют несогласие с принципом «Крым — наш», а руководители иных партийных структур не хотят подвергать себя риску персональных западных санкций. Кроме того, еще со времен пребывания в составе Украины крымская элита достаточно сплочена и не слишком любит «чужаков», что также мешает некоторым федеральным партиям развивать свою активность в регионе. Кроме того, на периферии внимания у многих партийных руководителей осталась удаленная Сахалинская область. Это обусловлено, с одной стороны, дефицитом местных партийных кадров, на которые приходится опираться федералам, а с другой — сложностью партийной логистики. Нечто подобное (хотя и не в таком масштабе) наблюдается и в Приморском крае. Также относительно «неперспективными» для партийной деятельности оказались Владимирская и Новгородская области. И хотя ведущие политические партии в этих достаточно депрессивных регионах представлены, многие партийные миноритарии отказались от их «освоения». А вот в Саратовской области наблюдается обратный процесс — местная элита, которая во многом продолжает ориентироваться на председателя Госдумы В. В. Володина, крайне подозрительно относится к несогласованным с ней партийным проектам, предпочитая сотрудничать с «солидными» организациями (<http://www.vzsar.ru/tags/vyacheslav-volodin>).

Однако наличие региональных отделений политических партий еще не означает их активного участия в политической жизни субъекта РФ.

Конечно, в плане выдвижения кандидатов на федеральных и местных выборах лидируют думские партии (ЕР, КПРФ, СР, ЛДПР), которые, с одной стороны, стремятся в полной мере соответствовать требованиям закона «О политических партиях», а с другой — регулярно напоминают о себе избирателям.

Гораздо более скромным является вклад в электоральную борьбу со стороны непарламентских и малых партий, большинство из которых лишь имитирует участие в выборах (<http://www.interfax.ru/russia/528903>). Например, если анализировать статистику по выдвижению партийных списков и кандидатов-одномандатников на выборах депутатов органов представительной (законодательной) власти субъектов Российской Федерации 18 сентября 2016 г., то рейтинг активности исследуемых регионов (в этот день выборы проходили в 8 из них) выглядит следующим образом:

1–2. Дагестан и Красноярский край. Здесь в выборах участвовали или предприняли попытку участвовать (но не были по тем или иным причинам зарегистрированы) по 16 региональных партийных структур.

3. Санкт-Петербург — 15.

4. Свердловская область — 14.

5. Приморский край — 11.

6. Самарская область — 10.

7–8. Омская область и Ставропольский край — по 9 партий-участниц.

Несмотря на то, что на тот момент в России было зарегистрировано 40 политических партий, региональную партийно-политическую активность следует признать вполне удовлетворительной, особенно с учетом условности многих недавно образованных партийных структур.

Из числа непарламентских партий на региональных выборах были активны отделения следующих структур: «Яблоко», «Партия роста», «Патриоты России», «Коммунистическая партия — Коммунисты России», Российская экологическая партия «Зеленые», «Российская партия пенсионеров за справедливость», партия «Родина», партия «Великое Отечество». Остальные партии либо в принципе проигнорировали данную кампанию, либо были представлены фрагментарно.

Еще одним критерием политической активности в регионах можно считать наличие разветвленной сети органов местного самоуправления (МСУ). Если взять для анализа численность работников органов МСУ за 2015 г., то в этом плане карта Россия является весьма «пестрой», неоднородной и не всегда сбалансированной [4].

Так, если брать оптимальную численность работников МСУ в пределах 9000–10 000 человек на регион с населением 3–4 млн человек, то большинство из анализируемых субъектов РФ

в большей или меньшей степени соответствуют таким требованиям.

В то же время можно выделить регионы со слабо развитой системой местного самоуправления с точки зрения численности контингента МСУ. Это столичные центры — Москва и Санкт-Петербург, Приморский край, Севастополь.

Одновременно есть регионы с «раздутыми» штатами МСУ. Это Краснодарский край (14,5 тыс. работников органов МСУ на 5,5 млн жителей), Красноярский край (15,8 тыс. на 2,87 млн жителей), Челябинская область (13,8 тыс. на 3,5 млн жителей), Ставропольский край (11,1 тыс. на 2,8 млн жителей).

* * *

Таким образом, подводя итоги политической активности населения анализируемых субъектов Российской Федерации, можно прийти к следующим **выводам**.

Во-первых, довольно распространенная в экспертном сообществе и среди населения точка зрения о политической пассивности россиян не подтверждается вышеприведенным анализом. Если брать за основу известную теорию политической культуры Г. Алмонда и С. Вербы, которая ставит во главу угла общественно-политическую и социальную активность населения, то россиян можно отнести к «вполне вменяемому» подданническо-активистскому типу, который предполагает относительно рациональное политическое

поведение, сдержанное политическое участие, умеренное доверие к властным институтам и персонам.

Во-вторых, нужно сказать, что законодательная и институциональная база для проявления политической активности граждан на сегодняшний день создана практически в полном объеме. Единственным относительно проблемным пунктом здесь остается недостаточное развитие системы местного самоуправления. Также имеются проблемы с развитием гражданского общества в удаленных субъектах РФ, в частности, политическая пассивность и неустроенность наблюдаются в оторванной от материка Сахалинской области.

В-третьих, в плане политической активности и политической сознательности наблюдается определенный разрыв между мегаполисами (Москва и Санкт-Петербург) и остальными регионами. Обладая гораздо более высоким уровнем жизни, «столицы» демонстрируют меньшую политическую активность, чем провинция. И это несмотря на наличие массовых протестных и «фрондерских» групп (интеллигенция, предприниматели, студенты). С учетом относительной стабильности политической и социально-экономической ситуации в мегаполисах такая позиция вполне объяснима — избиратели Москвы и Санкт-Петербурга в целом удовлетворены текущим положением дел и предпочитают минимизировать свои политические усилия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дахин А.В. Система власти в России в 2000-х годах и модели политического управления регионами // Политические исследования. 2009. № 2. С. 52–59.
2. Ганьжин С. Собянину нужен имиджмейкер. URL: <https://www.nakanune.ru/articles/15330>.
3. Карпенко М. Кольбель реституции. Власти Санкт-Петербурга решили передать Исаакиевский собор церкви. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3188098>.
4. Казанцев С.В. Опасность социально-экономического неравенства. Новосибирск, 2016. С. 4.

REFERENCES

1. Dahin A. V. The system of power in Russia in the 2000s and the model of political governance of the regions [Sistema vlasti v Rossii v 2000-h godah i modeli politicheskogo upravlenija regionami]. *Politicheskie issledovanija — Political Studies*, 2009, no. 2, pp. 52–59 (In Russ.).
2. S. Gan'zhin. Sobyanin needs an image maker [Sobjaninu nuzhen imidzhmejke]. Available at: <https://www.nakanune.ru/articles/15330> (In Russ.).
3. Karpenko M. The cradle of restitution. The authorities of St. Petersburg decided to transfer the St. Isaac's Cathedral Church [Kolybel' restitucii. Vlasti Sankt-Peterburga reshili peredat' Isaakievskij sobor cerkvi]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3188098> (In Russ.).
4. Kazancev S. V. The danger of socio-economic inequality [Opasnost' social'no-jekonomicheskogo neravenstva]. Novosibirsk, 2016, p. 4 (In Russ.).